

Владимир Кожедеев

Механик и князь.

Книга 6

Владимир Кожедеев

Механик и князь. Книга 6

«Автор»

2026

Кожедеев В.

Механик и князь. Книга 6 / В. Кожедеев — «Автор», 2026

Ленинград. Время великих перемен — и великих опасностей. Игнатий Оболенский, бывший следователь, а ныне руководитель тайного Архива «Д», пережил аресты, допросы, предательство тех, кому доверял. Но война за правду продолжается. На этот раз его путь пересекается с тенью прошлого — князем Долгоруковым, который, казалось, был уничтожен, но вернулся, чтобы закончить то, что начал много лет назад. Вместе со своей командой — холодным, бесстрастным доктором Гуровым, сильной и стойкой Марией Владимировной, преданным архивариусом Иваном Потапычем — Оболенский вступает в новую битву. Им предстоит раскрыть заговор, уходящий корнями в имперское прошлое России, найти старые архивы, спрятанные в особняке на окраине Парижа, столкнуться с британской разведкой и немецкими агентами, и, наконец, встретиться лицом к лицу с тем, кто разрушил их жизни. «Механик и князь» — это история о последней битве за правду, о том, как прошлое возвращается, чтобы напомнить о себе.

© Кожедеев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Нить Ариадны	5
Глава 2. Особняк на окраине	9
Глава 3. Тайник	12
Глава 4. Документы	15
Глава 5. Сделка с дьяволом	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Владимир Кожедеев

Механик и князь. Книга 6

Глава 1. Нить Ариадны

Париж, весна. Ночь над городом была тёплой, но Долгоруков не чувствовал тепла. Он шёл по пустынным улицам, и каждый его шаг отдавался эхом в тишине, как удары сердца, которые уже не имели значения, как звук колокола, который звонит по кому-то, кто ещё жив, но уже мёртв внутри. Воздух был напоён запахом цветущих каштанов и сырости, поднимающейся от Сены, но этот запах, который когда-то казался ему символом жизни и свободы, теперь был для него лишь напоминанием о том, как далеко он упал, как много потерял, как мало у него осталось. Улицы были пустынные, лишь изредка мимо проезжали редкие автомобили, их фары на мгновение выхватывали из темноты его фигуру — высокую, сутулую, сгорбленную под тяжестью лет и потерь, — и снова исчезали, оставляя его одного с его мыслями, с его болью, с его отчаянием.

В ушах всё ещё звучал голос К. — его старого друга, его последней надежды, человека, которого он когда-то считал преданным ему до конца. К. говорил о документах, спрятанных в старом особняке на окраине Парижа, о компромате на британских агентов, о шансе вернуть всё, что у него было, о возможности отомстить тем, кто его предал, о том, что он сможет снова стать тем, кем был когда-то — сильным, могущественным, независимым, человеком, который сам определяет свою судьбу. Голос К. звучал в его голове, как заевшая пластинка, и Долгоруков не мог избавиться от него, не мог остановить этот бесконечный поток слов, который кружился в его сознании, как вихрь, который уносил его всё дальше от реальности.

Долгоруков остановился у моста через Сену, глядя на тёмную, медленно текущую воду. Огни города отражались в ней, дрожа и расплываясь, как воспоминания, которые он не мог удержать, как лица людей, которых он когда-то знал и которые теперь были лишь тенями в его памяти. Вода была чёрной, глубокой, и в ней, казалось, прятались все его страхи, все его сомнения, все его поражения, которые он так старался забыть, но которые всегда возвращались, как возвращаются призраки, чтобы напомнить о том, что прошлое не уходит, оно всегда рядом, оно всегда ждёт своего часа. Он думал о том, как много потерял, как много отдал за свою игру — состояние, влияние, друзей, честь, душу. И о том, что теперь у него есть шанс вернуть всё — или погибнуть, пытаясь, что, возможно, было бы даже лучше, чем та жизнь, которую влачил сейчас, как призрак, как тень, как человек, который уже не помнит, что значит быть живым.

Он долго стоял у моста, глядя на воду, и в его голове проносились мысли о том, как всё началось. О том, как он, молодой и честолюбивый, впервые переступил порог императорского дворца в Петербурге, как строил свои империи на крови и страданиях, как предавал тех, кто ему доверял, как он плел интриги, которые меняли судьбы целых государств, как стоял у истоков «Диаманта» и «Гелиоса», как был серым кардиналом мира финансовых интриг. И о том, как всё это рухнуло в одно мгновение — в тот день, когда он понял, что его игра проиграна, что его предали те, кому доверял, что его жизнь превратилась в бесконечный кошмар, из которого нет выхода.

«Я сделаю это, — сказал он себе, и голос его звучал твёрдо, как сталь, как тот голос, который он когда-то использовал, чтобы отдавать приказы, решать судьбы, управлять миром. — Я сделаю это, чего бы это ни стоило».

Он поднял воротник пальто, чувствуя, как холодная ткань касается его щёк, как ветер с Сены шевелит его седые волосы, и пошёл вперёд, в темноту, где его ждала новая игра — игра, которая должна была изменить всё, игра, которая должна была вернуть ему его жизнь,

его достоинство, его место в этом мире. Он шёл по пустынным улицам, и его шаги отдавались эхом в тишине, как удары сердца, которые, возможно, ещё могли биться, если он сможет найти то, что искал, если он сможет сделать то, что должен был сделать.

Он думал о К., о том, как они встретились много лет назад, в те времена, когда он был на вершине власти, когда его слово было законом, когда его решения определяли судьбы тысяч. К. был его тенью, его правой рукой, его самым доверенным человеком, тем, кто знал все его секреты, все его слабости, все его страхи. И теперь К. вернулся, чтобы предложить ему последний шанс. Или чтобы заманить его в ловушку. Долгоруков не знал, чему верить. Но он знал, что у него нет выбора. Он должен идти, даже если это будет означать смерть.

Долгоруков прошёл мимо старого книжного магазина, где когда-то покупал редкие издания, которые пополняли его библиотеку в Петербурге. Теперь магазин был закрыт, и только тусклый свет уличного фонаря падал на витрину, за которой виднелись пыльные тома, забытые временем, как забыл его сам этот мир. Он вспомнил, как он любил книги, как он проводил часы в своей библиотеке, вдыхая запах старой бумаги и кожи, как он чувствовал себя защищённым от всего мира в этом убежище знаний. Теперь он был изгнанником, бездомным скитальцем, который не мог найти покоя нигде, потому что его прошлое преследовало его, как тень, которая не исчезала даже при свете дня.

В конце улицы он увидел небольшое кафе, где горел тёплый, жёлтый свет, приглашая прохожих войти и согреться. Долгоруков остановился на мгновение, глядя на свет, который казался ему приглашением в другой мир, в мир, где люди могли просто жить, не думая о заговорах и предательствах, о прошлом и будущем. Он чувствовал, как внутри него нарастает странное, почти забытое желание — желание войти в это кафе, сесть за столик, заказать кофе и просто быть, как все, забыть о том, кто он и что он сделал. Но он знал, что не может позволить себе этой роскоши. Он должен идти вперёд. Он должен найти то, что ищет.

Он свернул в узкий переулок, где пахло жареным луком и дешёвым вином, где из открытых окон доносились обрывки чужой музыки и чужого смеха, которые напоминали ему о том, что жизнь продолжается, что мир не остановился, когда его мир рухнул. Долгоруков чувствовал себя чужим в этом городе, чужим в этой жизни, чужим самому себе, потому что он уже не был тем человеком, которым был когда-то. Он был лишь тенью, которая бродила по улицам, ища то, что потеряла, и не находя ничего, кроме пустоты.

В конце переулочка он увидел свой отель — старый, облупившийся, с выцветшей вывеской и тусклым светом в окнах. Он вошёл внутрь, и запах старого дерева и дешёвого табака ударил в нос. В холле горела единственная лампа, и портье, старый, сонный человек, даже не поднял головы, когда он прошёл мимо. Долгоруков поднялся по скрипучей лестнице на второй этаж и вошёл в свою комнату.

Комната была маленькой, тесной, с одним окном, выходившим на внутренний двор, и скудной мебелью — кровать, стол, стул, шкаф. Здесь пахло сыростью и плесенью, и этот запах, казалось, проникал в каждую клетку его тела, напоминая ему о том, что он больше не тот человек, который когда-то жил в роскошных особняках и спал на шёлковых простынях. Он снял пальто и повесил его на спинку стула, чувствуя, как усталость окутывает его, как тяжесть прожитых лет давит на его плечи, как боль, которую он носил в себе, становится всё более невыносимой.

Он подошёл к столу, на котором лежала стопка газет — он всегда покупал их по утрам, чтобы быть в курсе того, что происходит в мире, который всё ещё существовал за пределами его личного ада. Газеты были разных изданий — французские, английские, немецкие, русские эмигрантские. Он взял первую попавшуюся, «Le Figaro», и начал просматривать заголовки.

Первая страница пестрела новостями о политической нестабильности в Европе. Крупным шрифтом было напечатано: «Германия требует пересмотра Версальского договора. Франция готовит ответ». Долгоруков усмехнулся. Он знал, что это значит. Новая война приближа-

лась, и те, кто стоял у власти, готовились к ней, как игроки, которые уже сделали свои ставки и ждали, когда рулетка остановится. Он перевернул страницу и увидел записку о России: «СССР продолжает индустриализацию. Пятилетка вступает в решающую фазу». Он читал эти строки, и в его душе поднималась холодная, глухая ярость — ярость против страны, которая выбросила его, как ненужную вещь, против системы, которая уничтожила всё, что он строил, против людей, которые когда-то были его союзниками и теперь стали его врагами.

Он взял другую газету, английскую «The Times». На первой странице была статья о росте напряжённости в отношениях между Великобританией и Советским Союзом. «Лондон выражает озабоченность по поводу советской активности в Центральной Азии», — гласил заголовок. Долгоруков читал между строк. Он знал, что британская разведка активно работает против СССР, что они ищут союзников, что они готовы использовать любого, кто может помочь им ослабить своего врага. И он знал, что он был одним из таких инструментов — инструментом, который они использовали и который теперь пытались выбросить.

Он отложил «The Times» и взял русскую эмигрантскую газету «Возрождение», которая выходила в Париже. На первой странице была записка о деятельности русских эмигрантских организаций, о их борьбе за сохранение культуры и языка, о их надеждах на возвращение в Россию. Долгоруков читал эти строки, и в его душе поднималась странная, почти забытая боль — боль по тому, что он потерял, по той стране, которую он когда-то любил, по той жизни, которая была у него и которой больше не было. Он знал, что эти люди, которые писали о надеждах и мечтах, были такими же изгнанниками, как и он, такими же бездомными скитальцами, которые искали свой путь в этом мире.

Но были и другие новости, которые привлекли его внимание. На третьей странице «Возрождения» он увидел небольшую записку под заголовком: «Таинственная смерть в Лондоне. Британский дипломат найден мёртвым». Он начал читать, и его глаза расширились. В статье говорилось о том, что некий сэр Арчибальд Монтгомери, высокопоставленный чиновник британского Министерства иностранных дел, был найден мёртвым в своём доме на Белгрейв-сквер. Причина смерти не была установлена, но полиция не исключала возможности убийства.

Долгоруков перечитал записку дважды. Сэр Арчибальд Монтгомери — тот самый человек, который контролировал его, который шантажировал его, который превратил его жизнь в ад. И теперь он был мёртв. Долгоруков чувствовал, как внутри него нарастает странное, почти забытое чувство — чувство удовлетворения, смешанное с чувством тревоги. Он знал, что это может быть случайностью, но он также знал, что в их мире случайностей не бывает.

«Кто-то убрал его, — сказал он себе, и голос его звучал холодно, как лёд. — Кто-то убрал его, и этот кто-то, возможно, знает о документах».

Он отложил газету и подошёл к окну. Небо было серым, мрачным, и только редкие лучи солнца пробивались сквозь тучи, напоминая о том, что надежда ещё существует, даже когда кажется, что всё потеряно. Он думал о сэре Арчибальде, о том, что его смерть открывает новые возможности. С ним ушла одна из нитей, связывающих его с прошлым. Но оставались другие. Оставался К. Оставались документы. Оставался шанс.

«Я сделаю это, — сказал он себе, и голос его звучал твёрдо, как сталь. — Я сделаю это, чего бы это ни стоило. Я найду документы. Я верну то, что принадлежит мне по праву».

Он подошёл к столу и взял лист бумаги, чтобы записать всё, что он узнал. Но когда он взял перо, его рука дрогнула. Он не знал, кому можно доверять. Он не знал, кто мог стоять за смертью сэра Арчибальда. Он знал только одно: его игра продолжается. И он должен быть готов к любым неожиданностям.

За окном начинался новый день. Где-то вдалеке слышался звон колоколов, приглушённый и далёкий, как голос из другого мира. Долгоруков открыл глаза и посмотрел в окно. Туман над Парижем начинал рассеиваться, и город просыпался, готовясь к новому дню. Он чувство-

вал, как внутри него нарастает холодная решимость — решимость человека, который готов идти до конца, что бы его ни ждало, который готов пожертвовать всем ради своей цели.

Глава 2. Особняк на окраине

Особняк стоял на краю Парижа, спрятанный за высокими деревьями, которые уже начали распускать свои первые листья — нежные, бледно-зелёные, они казались хрупкими и беззащитными, как надежда, которая только начинает прорасти в душе человека, потерявшего всё. Дом был старым, запущенным, с облупившейся штукатуркой, которая осыпалась с фасада, обнажая тёмный, потрескавшийся кирпич, и заколоченными окнами, которые, казалось, смотрели на мир с той же усталостью, что и сам Долгоруков, с той же безнадёжностью, которая годами копилась в его душе. Вокруг царила тишина, нарушаемая лишь шумом ветра в кронах деревьев, который напоминал шёпот, и редкими голосами птиц, которые, казалось, предупреждали его о чём-то, чего он не мог понять. Где-то вдалеке слышался отдалённый гул города — приглушённый, едва различимый, как голос из другого мира, который напоминал ему о том, что жизнь продолжается, что мир не остановился, когда его мир рухнул.

Долгоруков стоял у калитки, вглядываясь в тёмные окна особняка, и чувствовал, как внутри него нарастает напряжение — напряжение, которое сжимало грудь и не давало дышать, которое делало каждый вдох мучительным, каждый шаг — борьбой. Он знал, что это может быть ловушкой. Он знал, что британцы могли ждать его здесь, в этой тишине, в этой темноте, за этими стенами, которые, казалось, дышали зловещим ожиданием. Но он также знал, что если он не пойдёт, если он отступит сейчас, когда у него есть шанс, он никогда не простит себе этого. Он будет жить с этим знанием до конца своих дней — знанием о том, что он мог изменить свою судьбу, но не решился.

Он перелез через калитку — она была старой, ржавой, и её петли жалобно скрипнули, когда он перевалился через неё, оставляя на руках следы ржавчины, смешанной с потом. Земля под ногами была мягкой, влажной, покрытой толстым слоем прошлогодней листвы, которая давно превратилась в перегной, и каждый шаг оставлял глубокие следы, которые могли выдать его. Он шёл осторожно, стараясь не шуметь, стараясь не оставлять слишком заметных следов, но сердце его колотилось так громко, что, казалось, его можно было услышать за милю. Он чувствовал, как адреналин разливается по его жилам, как каждое нервное окончание напряжено до предела, как мир вокруг него сужается до одной-единственной цели — войти в этот дом, найти документы и вернуть то, что принадлежит ему по праву.

Сад, в котором он оказался, был запущенным и диким. Старые яблони, уже много лет не знавшие садовника, тянули свои искривлённые ветви к небу, как руки утопающих, цепляющиеся за жизнь. Между ними пробивался густой кустарник — терновник и шиповник, цеплявшиеся за его одежду, как живые, не желающие отпускать его. Трава была высокой, местами достигавшей его пояса, и он пробирался через неё, чувствуя, как влага проникает сквозь брюки, как холодная земля, наконец, касается его кожи через промокшую ткань. Он вспомнил, как когда-то гулял по ухоженным садам своих имений, как вдыхал запах цветов, как слушал пение птиц, не думая о том, что однажды этот мир перестанет существовать для него. Теперь он пробирался через сорняки, как загнанный зверь, который ищет убежище.

Он подошёл к дому, и его взгляд упал на старую, покосившуюся дверь, которая, казалось, держалась на честном слове. Он хотел войти в неё, но что-то остановило его — инстинкт, который он выработал за долгие годы работы в разведке, который спас ему жизнь не раз. Он обошёл дом, решив войти через задний вход, где было меньше шансов попасть в ловушку. Но когда он ступил на узкую тропинку, ведущую к задней части здания, земля ушла из-под его ног.

Внезапно, без предупреждения, без малейшего шороха, который мог бы его предупредить, земля ушла из-под его ног, как будто её никогда не существовало. Это произошло так быстро, что он не успел даже вскрикнуть, не успел даже осознать, что происходит. Он просто провалился в темноту, чувствуя, как воздух свистит в ушах, как его тело, внезапно ставшее

тяжёлым, как камень, падает в пустоту, которая, казалось, была бездонной. Вокруг него мелькнули очертания корней деревьев, вбитых в землю, как пальцы мертвецов, и он успел заметить, как перед его глазами проносятся стены ямы, покрытые мхом и сыростью, прежде чем его тело с глухим, страшным звуком врезалось в дно.

Удар был сильным, резким, сокрушительным. Он почувствовал, как что-то острое, холодное и беспощадное пронзает его левую ногу, проходя сквозь плоть, как нож сквозь масло. Боль была мгновенной и всепоглощающей — острая, пронзительная, она разлилась по всему телу, как огонь, как кислота, разъедающая всё на своём пути. Он не мог дышать, не мог кричать, не мог даже думать — только чувствовать эту боль, которая, казалось, не имела границ, которая заполняла собой всё его существо, вытесняя все остальные мысли.

Он лежал на дне глубокой ямы, и над ним, как насмешка, как издевательство, виднелся кусочек ночного неба, усыпанного звёздами, которые, казалось, смотрели на него с холодным равнодушием, как на что-то незначительное, недостойное внимания. Звёзды мерцали, не обращая на него внимания, и в этом мерцании было что-то почти циничное, что-то, что напоминало ему о его собственном падении. Он попытался пошевелиться, но боль была невыносимой, нечеловеческой — она разрывала его тело изнутри, как будто его пронзили тысячи игл одновременно. Он опустил глаза, и то, что он увидел, заставило его сердце пропустить удар. Его нога была проткнута арматурой — ржавым, острым прутком, который торчал из земли, как клык чудовища, и который вошёл в его плоть, пройдя насквозь. Кровь, тёмная, густая, сочилась из раны, смешиваясь с грязью и холодной землёй, образуя тёмное, маслянистое пятно, которое медленно расплзлось по дну ямы, как чёрное пятно на его судьбе.

«Чёрт бы вас всех побрал! — заорал он в темноту, и его голос, полный ярости и боли, эхом разнёсся по пустому особняку, отражаясь от стен, как голос проклятого, который не может найти покой. — Проклятые британские ублюдки! Вы не победите меня! Вы не сможете сломать меня! Я найду вас! Я заставлю вас заплатить за это! Я вырву ваши глотки своими руками, если понадобится!»

Он лежал на дне ямы, чувствуя, как боль пульсирует в каждой клетке тела, как кровь сочится из раны, смешиваясь с грязью и холодной землёй, как жизнь медленно уходит из него вместе с этой кровью. Он знал, что если он останется здесь, если он не сможет выбраться, то умрёт — не в бою, не от руки врага, а в этой грязной яме, как загнанный зверь, как ненужный инструмент, который выбросили на свалку. Он должен был выбраться. Он должен был сделать это, даже если бы это стоило ему последних сил, даже если бы это означало, что он потеряет ногу, или что он будет хромать до конца своих дней, или что он умрёт от потери крови через несколько часов. Он должен был попытаться.

Он закрыл глаза на мгновение, собираясь с мыслями, и боль, которая накатывала волнами, казалась ему невыносимой, непереносимой, но он знал, что должен заставить себя двигаться. Он вспомнил все те моменты, когда он был на грани, когда всё, казалось, было потеряно, но он выживал. Он вспомнил, как он пережил революцию, как он сбежал из России, как он строил новую жизнь на руинах старой, как он снова и снова поднимался после того, как его сбивали с ног. И он знал, что должен сделать это снова. Он должен пережить эту ночь, чтобы иметь возможность отомстить, чтобы иметь возможность вернуть то, что принадлежит ему по праву.

Он открыл глаза и посмотрел на край ямы, который был далеко над ним — метров на два, не меньше. Стены ямы были влажными, скользкими, покрытыми мхом и корнями деревьев, которые, казалось, тянулись к нему, как живые. Он знал, что не сможет просто выпрыгнуть или вскарабкаться по скользкой поверхности. Он должен был найти способ.

Стиснув зубы, он ухватился руками за край ямы — за тонкие корни деревьев, которые торчали из земли, за влажную, холодную грязь, которая скользила под его пальцами — и начал подтягиваться. Боль была невыносимой — каждый сантиметр, который он преодолевал,

казался ему вечностью, каждое движение было пыткой. Он чувствовал, как арматура в его ноге проворачивается, причиняя новую, ещё более острую боль, как кровь хлещет из раны, заливая его руку, делая хватку скользкой и ненадёжной. Он чувствовал, как силы покидают его, как веки тяжелеют, как сознание начинает затуманиваться, но он не сдавался. Он двигался вперёд, сантиметр за сантиметром, дюйм за дюймом, преодолевая боль, преодолевая отчаяние, преодолевая саму смерть, которая уже протягивала к нему свои холодные пальцы.

Он проклинал всё на свете — свою судьбу, свою глупость, свою доверчивость, британцев, которые заманили его в эту ловушку, старых друзей, которые предали его, и самого себя за то, что поверил им. Его голос, хриплый и надорванный, вырывался из груди вместе с проклятиями, которые были обращены и к врагам, и к нему самому: «Проклятые ублюдки! Вы думали, что я сдамся? Вы думали, что я умру в этой яме? Я докажу вам, что ошибаетесь! Я выживу! Я выйду отсюда! И вы заплатите за это! Каждый из вас заплатит!»

Но в конце концов он добрался до края. Его пальцы, онемевшие и скользкие от крови и грязи, нащупали твёрдую поверхность, и он, собрав последние силы, перевалился через край. Он лежал на земле, тяжело дыша, чувствуя, как боль пульсирует в каждой клетке его тела, как каждая мышца дрожит от перенапряжения, как перед глазами плывут круги. Небо над ним было всё таким же звёздным, но звёзды казались ему теперь не насмешкой, а свидетельством его победы. Он выжил. Он выбрался.

Он знал, что должен перевязать ногу, иначе он потеряет слишком много крови. Он разорвал свою рубашку на длинные полосы, и его пальцы, дрожащие и холодные, затянули их вокруг раны, туго, насколько это было возможно. Он старался не смотреть на то, что осталось от его ноги, не думать о том, что он, возможно, больше никогда не сможет ходить так, как раньше, что его тело навсегда останется искалеченным. Он чувствовал, как боль пульсирует в такт с сердцебиением, как она пронизывает всё его тело, но он не позволял себе остановиться. Он должен был продолжать.

«Я дойду, — сказал он себе, и голос его звучал хрипло, но твёрдо, как голос человека, который уже прошёл через ад и знает, что может пройти через него снова. — Я дойду, чего бы это ни стоило. Я не остановлюсь, пока не найду то, что ищу, или пока не умру».

Он поднялся на ноги, чувствуя, как боль пронзает его тело, как каждая клетка кричит от отчаяния, как мышцы дрожат от напряжения. Он хромал вперёд, опираясь на палку, которую нашёл на земле — старую ветку, которую, казалось, принесло сюда ветром. Каждый шаг давался ему с трудом, но он знал, что не может остановиться, что если он остановится, он упадёт и больше не встанет, что он не вынесет этой боли, если не будет двигаться вперёд.

Особняк стоял перед ним, чёрный и молчаливый, как гроб. Долгоруков смотрел на него, и в его душе поднималась холодная, глухая ярость — ярость против тех, кто заманил его в эту ловушку, против тех, кто хотел его смерти, против тех, кто не давал ему покоя даже после того, как он потерял всё. Он знал, что документы всё ещё там, что он должен найти их, чего бы это ни стоило. Он знал, если он не сделает этого, он никогда не простит себе этого.

«Я сделаю это, — сказал он себе, и голос его звучал твёрдо, как сталь. — Я сделаю это, чего бы это ни стоило».

Он поднял воротник пальто и пошёл вперёд, в темноту, которая, казалось, ждала его, готовая проглотить его целиком.

Глава 3. Тайник

Он шёл по коридорам особняка, и его шаги отдавались эхом в пустоте, как удары сердца, которые уже не имели значения, как звук колокола, который звонит по кому-то, кто ещё жив, но уже не надеется на спасение. Дом был старым, заброшенным, и в воздухе пахло пылью, сыростью и гнилым деревом — запахом, который, казалось, проникал в каждую клетку его тела, напоминая ему о том, что он больше не тот человек, которым был когда-то, что он стал частью этого мира разрухи и забвения. Стены были покрыты слоями старой краски, которая местами облупилась, открывая серый, шершавый бетон, на котором виднелись тёмные пятна сырости, напоминавшие очертания лиц или карт. Где-то вдалеке слышалось завывание ветра, который проникал через щели в окнах и стенах, создавая ощущение, что дом живёт своей собственной жизнью — жизнью призрака, который не может найти покоя, который бродит по пустым комнатам в поисках того, что давно потеряно.

Долгоруков шёл медленно, опираясь на стену, и каждый шаг отдавался острой, пронзительной болью в ноге, которая пульсировала в такт с сердцебиением, как напоминание о том, что он ещё жив, но что его жизнь висит на волоске. Он чувствовал, как кровь продолжает сочиться из раны, несмотря на перевязку, как влажная ткань его рубашки прилипает к телу, как холод проникает сквозь неё, заставляя его дрожать. Он знал, что тайник находится где-то здесь, в подвале, под слоем угля, как обещал К., как его последняя надежда, как единственный свет в этой бесконечной тьме.

Он спустился по лестнице, ведущей в подвал, и его шаги — хромые, неуверенные — отдавались эхом в темноте, как шаги человека, который идёт навстречу своей судьбе. Подвал был тёмным, сырым, с низким потолком, на котором висели клочья паутины, как обрывки забытых снов, и с земляным полом, покрытым слоем угольной пыли, которая хрустела под его ногами. В воздухе пахло углём, плесенью и чем-то ещё — металлическим, холодным, что заставляло его желудок сжиматься от тревоги. Он искал долго, перебирая старые ящики, которые разваливались в его руках, разгребая мусор и пыль, которая годами оседала на полу, поднимаясь в воздух облаками, заставляя его кашлять и задыхаться.

Он чувствовал, как отчаяние нарастает в его душе, как надежда, которая только что зажглась в его сердце, начинает угасать, как свеча, которую задувает ветер. Он думал о том, что, возможно, К. солгал ему, что это была ещё одна ловушка, ещё одно предательство в его бесконечной череде предательств. Он думал о том, что, возможно, он никогда не найдёт то, что ищет, что его жизнь так и останется бесконечным поиском того, что уже потеряно навсегда.

Наконец он нашёл его. В углу подвала, за старой, ржавой печью, которая когда-то обогревала этот дом, но теперь была лишь грудой металлолома, стоял небольшой металлический сейф, покрытый слоем грязи и паутины, как старый, забытый друг, который ждал его все эти годы. Долгоруков почувствовал, как внутри него нарастает волнение — то самое, почти забытое чувство, которое он испытывал в те времена, когда был на вершине власти, когда каждое его решение имело значение, когда он чувствовал себя хозяином своей судьбы. Он подошёл к сейфу, опустился на колени, стараясь не обращать внимания на боль в ноге, и провёл рукой по его поверхности, стирая слой пыли и грязи.

Сейф был старым, массивным, с коваными углами и сложным замком, который, казалось, был создан для того, чтобы хранить самые тёмные тайны этого мира. Долгоруков попытался открыть его, но сейф не поддавался. Он был заперт, и у Долгорукова не было ключа. Он попытался взломать его, используя найденный в подвале старый, ржавый лом, который валялся в углу, но сейф был слишком прочным, и лом только соскальзывал с его поверхности, оставляя на ней лишь царапины, которые казались ему насмешкой над его отчаянием.

Долгоруков чувствовал, как отчаяние нарастает в его душе, как надежда, которая только что зажглась в его сердце, начинает угасать, как гаснет свеча на сквозняке. Он сидел на полу, чувствуя, как боль в ноге становится всё сильнее, как кровь продолжает сочиться из раны, несмотря на перевязку, и он смотрел на сейф с той же смесью ярости и бессилия, которую испытывал много раз в своей жизни, когда сталкивался с непреодолимым препятствием. Он чувствовал, как внутри него нарастает холодная, глухая ярость — ярость против тех, кто заманил его в эту ловушку, против тех, кто спрятал документы здесь, против тех, кто не давал ему покоя даже после того, как он потерял всё. Он ударил кулаком по сейфу, чувствуя, как боль разливается по его руке, но сейф даже не дрогнул.

«Чёрт бы вас всех побрал! — закричал он, и его голос, полный ярости и отчаяния, эхом разнёсся по пустому подвалу, отражаясь от стен и возвращаясь к нему как насмешка. — Ну почему? Почему всё должно быть так сложно? Почему вы не можете оставить меня в покое? Почему вы не можете дать мне умереть спокойно, если не можете дать мне жить?!»

Он сидел на полу, тяжело дыша, чувствуя, как слёзы — те самые, которые он не позволял себе плакать уже много лет — подступают к его глазам, как боль в ноге становится всё более невыносимой, как силы покидают его, как он снова оказывается на дне, из которого, казалось, нет выхода. Он думал о том, как много он потерял, как много отдал за свою игру, как много заплатил за свои амбиции, за свою гордость, за свою веру в то, что он сможет изменить свою судьбу. И о том, что теперь, когда он стоит на пороге того, что могло бы стать его спасением, он не может даже открыть чёртов сейф.

Но он знал, что не может сдаться. Он поднял голову, и его глаза, мутные и усталые, смотрели на сейф, который стоял перед ним как вызов, как напоминание о том, что он ещё жив, что он ещё может бороться. В его глазах горел тот же холодный огонь, что и всегда, когда он сталкивался с препятствием — огонь, который не могли погасить ни годы, ни боль, ни система, которая пыталась его сломать. Он знал, что есть другой способ. Он должен был найти ключ или того, кто сможет открыть этот сейф. Он должен был найти человека, который знал код, или способ взломать замок. Но он также знал, что никому не может доверять. Никому. Даже тем, кто когда-то был ему близок.

«Я вернусь, — сказал он себе, и голос его звучал твёрдо, как сталь, как тот голос, который он когда-то использовал, чтобы отдавать приказы, решать судьбы, управлять миром. — Я вернусь и открою его. Я не остановлюсь, пока не найду то, что ищу. Я не остановлюсь, пока не верну то, что принадлежит мне по праву. Я не остановлюсь, пока каждый из тех, кто предал меня, не заплатит за свои преступления».

Он поднялся на ноги, чувствуя, как боль пронзает его тело, как каждая клетка кричит от отчаяния, как мышцы дрожат от напряжения. Он чувствовал, как кровь продолжает сочиться из раны, как она пропитывает его повязку, как она оставляет на полу тёмные, влажные пятна, которые будут напоминать о нём тем, кто придёт сюда после него. Он начал выбираться из подвала, шаг за шагом, опираясь на стену, на старые ящики, на всё, что попадалось под руку, каждый шаг давался ему с трудом, но он не останавливался, потому что знал, если он остановится, он упадёт и больше не встанет.

Когда он выбрался из особняка, он почувствовал, как холодный ночной воздух ударил в лицо, как ветер шевелит его волосы, как звёзды на небе, казалось, насмеются над ним своим равнодушием. Но он также почувствовал, как за ним следят. Он обернулся и увидел тени, которые двигались в темноте — силуэты людей, которые скрывались за деревьями, за кустами, за стенами старого дома. Британская разведка. Они знали, что он здесь. Они ждали его. Они следили за каждым его шагом, за каждым его движением, за каждым его вздохом.

Долгоруков усмехнулся. В этой усмешке было столько горечи и решимости, что он сам не заметил, как его пальцы сжались в кулак, как его тело, несмотря на боль, приготовилось к новой борьбе. Он знал, что они не оставят его в покое, что они будут преследовать его до тех

пор, пока он не найдёт то, что ищет, или пока они не уничтожат его. Но он также знал, что не сдастся, что он будет бороться до конца, что бы его ни ждало.

«Я выживу, — сказал он себе, и голос его звучал твёрдо, как сталь. — Я выживу и отомщу им всем. Я сделаю так, чтобы они заплатили за каждую каплю моей крови, за каждую минуту моей боли, за каждое мгновение моей жизни, которую они украли у меня».

Он поднял воротник пальто, чувствуя, как холодная ткань касается его щёк, как ветер с Сены шевелит его седые волосы, и пошёл вперёд, в темноту, оставляя за собой следы крови на мокрой земле, как следы на карте его жизни, которая продолжалась, несмотря ни на что, которая продолжалась, пока он дышал, пока мог двигаться, пока мог бороться.

Глава 4. Документы

Три дня прошло с тех пор, как Долгоруков впервые ступил на территорию проклятого особняка. Три дня, которые превратились для него в бесконечную череду боли, отчаяния и той особенной, гложущей ненависти, которая двигала им, как двигала всегда, когда он сталкивался с препятствием. Три дня, которые он провёл, залечивая рану, обдумывая следующий шаг и ища способ проникнуть в сейф, который стоял перед ним как насмешка над его отчаянием.

Его нога всё ещё болела — пульсирующая, острая боль, которая напоминала ему о каждом шаге, о каждой минуте, о каждой секунде его унижения, — но он уже мог ходить, опираясь на трость, которую нашёл в одном из старых парижских магазинов. Она была некрасивой, с потёртой ручкой и потрескавшимся набалдашником, но она служила ему верой и правдой, как верный друг, который не предаёт, как единственная опора в этом мире, который отвернулся от него. Он хромал по своей временной квартире, чувствуя, как боль пронизывает его тело при каждом шаге, как мышцы напрягаются, как пот выступает на лбу, но он не позволял себе останавливаться, потому что знал, что время работает против него.

Он знал, что не сможет открыть сейф без помощи — его знаний не хватало, чтобы взломать сложный замок, а ключа у него не было. Но он также знал, что не может доверять никому, что любой, кто придёт к нему, может оказаться агентом британской разведки. Он провёл целый день, перебирая в уме возможных помощников, людей, которые могли бы помочь ему, которым он мог бы доверять, и в конце концов он вспомнил о Жане — старом взломщике, который когда-то работал на него в Петербурге, который помогал ему проникать в самые защищённые места, который знал, как открыть любой замок. Жан жил в Париже, и Долгоруков знал, что он всё ещё работает по старым каналам, что он всё ещё тот же надёжный, молчаливый профессионал, который не задаёт лишних вопросов.

Встреча состоялась в маленьком, грязном кафе на окраине города, где пахло дешёвым кофе и жареным луком, где люди сидели в полутьме, стараясь не смотреть друг на друга, где каждый был занят своим делом и не обращал внимания на чужие тайны. Жан был сухим, лысым мужчиной лет пятидесяти, с руками, покрытыми шрамами и мозолями, и с глазами, которые, казалось, видели сквозь человека. Он выслушал Долгорукова, не перебивая, и кивнул.

— Я помогу вам, князь, — сказал он, и голос его звучал глухо, как у человека, который привык к тому, что его услуги нужны только тогда, когда кому-то нужно что-то украсть или взломать. — Но это будет стоить дорого.

Долгоруков усмехнулся. В этой усмешке было больше горечи, чем радости.

— У меня есть деньги, — сказал он. — Я заплачу вам. Но вы должны быть осторожны. За нами следят.

Жан кивнул, и они пожали друг другу руки.

Ночь была тёмной, беззвёздной, когда они подошли к особняку. Долгоруков чувствовал, как адреналин разливается по его жилам, как страх и надежда смешиваются в его душе, как каждое нервное окончание напряжено до предела. Он знал, что это его последний шанс, что если они провалятся, если британцы поймают их, его жизнь будет закончена, и никто не вспомнит о нём, как не вспоминают о пешке, которую выбросили из игры.

Жан работал быстро и бесшумно. Он открыл дверь особняка, используя простые, но эффективные инструменты, которые носил в небольшом, потёртом саквояже, и они вошли внутрь, в темноту, где пахло сыростью и гнилым деревом, где время, казалось, остановилось и застыло в одном мгновении. Долгоруков шёл вперёд, опираясь на трость, и каждый шаг отдавался острой болью в ноге, но он не останавливался, потому что знал, что должен идти до конца.

Они спустились в подвал, и Жан подошёл к сейфу, который стоял в углу, как напоминание о том, что Долгоруков не достиг своей цели, как символ его поражения, которое он должен

был превратить в победу. Жан долго изучал замок, проводил пальцами по его поверхности, как слепой, который пытается прочесть невидимые буквы, слушал, как щёлкают механизмы, и наконец кивнул.

— Это старый замок, — сказал он, и голос его звучал спокойно, почти равнодушно, как у человека, который видел такие замки сотни раз. — Он сложный, но я смогу открыть его. Мне нужно время.

Долгоруков кивнул и отошёл в сторону, наблюдая, как Жан работает. Он чувствовал, как внутри него нарастает напряжение, как сердце колотится где-то в горле, как каждая секунда кажется вечностью. Он смотрел на Жана, на его руки, которые двигались с той особенной, почти танцевальной грацией, которая бывает только у настоящих мастеров своего дела, и думал о том, как много зависит от этого мгновения.

Прошло десять минут. Пятнадцать. Наконец послышался щелчок, и сейф открылся. Долгоруков почувствовал, как внутри него нарастает странное, почти забытое чувство — чувство победы, которое он считал потерянным навсегда.

Он подошёл к сейфу и заглянул внутрь. Там лежали документы — старые, пожелтевшие, исписанные мелким, убогим почерком, который он узнал сразу. Это был почерк Неволлина. Долгоруков взял их в руки, чувствуя, как бумага шуршит под его пальцами, как запах старой пыли и чернил напоминает ему о тех временах, когда он был на вершине власти.

— Это оно, — сказал он, и голос его звучал глухо, как эхо из прошлого. — Это то, что я искал.

Жан кивнул и отступил в сторону, давая ему возможность забрать документы. Долгоруков спрятал их в свой внутренний карман, чувствуя, как их вес давит на его грудь, как они становятся частью его тела, как они возвращают ему жизнь, которую он считал потерянной.

Они выбрались из особняка так же тихо, как и вошли, и Долгоруков почувствовал, как холодный ночной воздух ударяет в лицо, как ветер шевелит его волосы, как звёзды на небе, казалось, смотрят на него с одобрением. Он знал, что это только начало, что впереди его ждёт новая игра, но он также знал, что теперь у него есть оружие, которое может изменить всё.

Он сидел в своей временной квартире в Париже, перебирая документы, которые они с Жаном выкрали из особняка, и чувствовал, как внутри него нарастает странное, почти забытое чувство — чувство надежды, которое он считал потерянным навсегда, которое он не испытывал уже много лет. Комната была маленькой, тесной, с одним окном, выходившим на внутренний двор, и скудной мебелью, которая, казалось, ещё больше подчёркивала его одиночество. Но сейчас он не замечал её. Он видел только документы, которые лежали перед ним на столе, как сокровище, которое он так долго искал.

Его нога всё ещё болела — пульсирующая, острая боль, которая напоминала ему о том, что он пережил, о той ночи, когда он упал в яму и проткнул ногу арматурой, — но он уже мог ходить, опираясь на трость, которую держал в руке, как символ своей борьбы, как знак того, что он выжил, что он не сдался, что он всё ещё здесь. Он чувствовал, как боль становится частью его, как она напоминает ему о том, что он жив, что он может чувствовать, что он может бороться.

Он держал в руках копию проекта, который когда-то создал Неволлин — «Проект Диамант». Он перелистывал страницы, и его глаза расширялись от удивления, от осознания того, что он держит в руках нечто большее, чем просто изобретение, чем просто чертежи и расчёты, чем просто идеи, записанные на бумаге. Это было нечто большее. Это был ключ к мировому господству. Он видел сложные схемы, точные расчёты, уникальные инженерные решения, которые, казалось, были созданы не человеком, а самим гением, который жил в мире, недоступном для обычных людей.

«Диамант» — это был не просто проект. Это был высокоточный авиационный бомбовый прицел, который мог изменить ход любой войны, который мог сделать любого, кто владел

им, хозяином неба, хозяином судьбы, хозяином мира. Он был создан Неволным, гениальным инженером, который был сердцем и мозгом этой разработки, который вложил в неё всю свою душу, все свои знания, все свои надежды на то, что его изобретение изменит мир к лучшему. И теперь эти чертежи были у Долгорукова. Они были его. Он владел ими.

Он перелистывал страницы, и в его голове проносились мысли о том, как много он может получить за эти документы. Деньги, власть, влияние — всё это могло снова стать его. Он мог вернуться в Россию, он мог восстановить своё состояние, он мог снова стать тем, кем был когда-то — сильным, могущественным, независимым, человеком, который сам определяет свою судьбу. Он мог отомстить тем, кто его предал, он мог заставить их заплатить за каждую каплю его крови, за каждую минуту его боли, за каждое мгновение его унижения.

Но он также знал, что это опасно. Британцы не остановятся. Они будут искать его, они будут пытаться вернуть документы, они будут делать всё, чтобы уничтожить его, чтобы стереть его с лица земли. Он знал, что должен действовать быстро, что у него нет времени на раздумья, что каждый час, каждый день, который он теряет, может стать последним.

Он взял перо и начал писать письмо — письмо, которое должно было изменить всё, письмо, которое должно было открыть перед ним новые возможности, письмо, которое должно было стать началом его возвращения. Он писал быстро, нервно, чувствуя, как внутри него нарастает странное, почти забытое чувство — чувство надежды, которое он считал потерянным навсегда.

«Я продам их, — сказал он себе, и голос его звучал холодно, как лёд, как голос человека, который не знает жалости, который готов на всё ради своей цели. — Я продам их тому, кто заплатит больше всех. Я продам их немцам. Они заплатят мне золотом, и я стану тем, кем был когда-то. Я верну себе всё, что у меня было, и я отомщу тем, кто меня предал».

Он отложил перо и посмотрел на документы, которые лежали перед ним. Они были его спасением, его надеждой, его будущим. Он знал, что это только начало, что впереди его ждёт новая игра, но он также знал, что теперь у него есть оружие, которое может изменить всё.

Глава 5. Сделка с дьяволом

Успех ударил Долгорукову в голову, как хорошее вино, как дурман, который затуманивает разум и заставляет забыть о всех предосторожностях. Он был опьянён своей победой, той сладкой, пьянящей эйфорией, которая нахлынула на него, когда он впервые взял в руки документы, когда он увидел чертежи «Проекта Диамант», когда он понял, что снова может управлять своей судьбой, что он снова может быть тем, кем был когда-то — сильным, могущественным, непобедимым. Он чувствовал себя неуязвимым, бессмертным, как бог, который сошёл на землю, чтобы покарать своих врагов и вернуть себе то, что принадлежит ему по праву.

Он перечитывал документы снова и снова, наслаждаясь каждой страницей, каждым чертежом, каждой линией, проведённой рукой Неволлина. Он чувствовал, как внутри него нарастает странное, почти забытое чувство — чувство власти, которое он считал потерянным навсегда, чувство превосходства над теми, кто предал его, кто унизил его, кто выбросил его, как ненужную вещь. Он представлял себе, как он вернётся в Россию, как он восстановит своё состояние, как он отомстит своим врагам, как он заставит их заплатить за каждую каплю его крови, за каждую минуту его боли, за каждое мгновение его унижения.

«Я сделал это, — сказал он себе, и голос его звучал торжествующе, как голос человека, который одержал величайшую победу в своей жизни. — Я сделал это. Я нашёл то, что искал. Я верну себе всё, что у меня было. Никто не сможет остановить меня».

Он сидел в своей временной квартире в Париже, глядя на документы, разложенные на столе, и чувствовал, как его душа наполняется гордостью, той особенной, почти болезненной гордостью, которая бывает у людей, долгое время находившихся на дне и наконец увидевших свет. Он был так ослеплён своей победой, что перестал замечать опасность, перестал видеть те тени, которые следовали за ним, перестал слышать те тихие шаги, которые приближались с каждым днём. Он забыл о том, что он всего лишь пешка в большой игре, что его успех может быть временным, что его враги не дремлют и что они готовы на всё, чтобы уничтожить его.

Он решил действовать быстро, не откладывая, не раздумывая, не советуясь с кем-либо. Он решил продать документы немцам, тем, кто заплатит больше всех, тем, кто сможет дать ему то, что он хотел — деньги, власть, защиту, новую жизнь. Он был уверен, что немецкая разведка примет его с распростёртыми объятиями, что они оценят его вклад, что они будут рады сотрудничать с таким ценным информатором, как он. Он не думал о том, что немцы могут предать его, что они могут использовать его и выбросить, как использовали и выбрасывали его многие до них.

Встреча с немецкой разведкой состоялась в Берлине, в старом, мрачном здании на окраине города, которое, казалось, было построено специально для того, чтобы внушать страх и уважение. Здание было массивным, с высокими, узкими окнами, за которыми почти не было видно света, и с тяжёлыми, коваными воротами, которые, казалось, были созданы для того, чтобы запирали людей внутри, а не выпускать их наружу. Внутри пахло воском, старым деревом и чем-то ещё — тем особенным, металлическим запахом, который бывает в местах, где принимаются решения, от которых зависят жизни тысяч.

Долгоруков сидел за столом, чувствуя, как внутри него нарастает напряжение — напряжение, которое смешивалось с гордостью, с уверенностью в своей победе, с той особенной, почти болезненной эйфорией, которая не давала ему ясно мыслить. Перед ним сидел немецкий офицер — высокий, худой, с холодными глазами, которые, казалось, видели сквозь человека, и тонкой, жестокой усмешкой на губах, которая не обещала ничего хорошего. Он был одет в безукоризненно чистую форму, и его руки, лежавшие на столе, были спокойны, как у человека, который привык к тому, что ему подчиняются.

— Вы принесли то, что обещали, князь? — спросил он, и голос его звучал ровно, почти бесстрастно, как у человека, который привык к тому, что его вопросы требуют немедленных ответов.

— Я принёс, — ответил Долгоруков, и голос его звучал твёрдо, хотя внутри всё дрожало от напряжения, от той смеси страха и надежды, которая наполняла его душу. — Я принёс «Проект Диамант». Он стоит миллионы. Я хочу получить свои деньги.

Немецкий офицер усмехнулся. Он взял папку с документами, открыл её и начал перелистывать страницы. Его лицо не выражало никаких эмоций, но Долгоруков видел, как его глаза загораются при виде чертежей, как его пальцы, длинные и тонкие, слегка дрожат, когда он касается бумаги, как его дыхание становится чуть более частым. Он чувствовал, как внутри него нарастает уверенность, как его гордость поднимается на новую высоту, как он уже предвкушает свою победу.

— Хорошо, — сказал он наконец, и голос его звучал холодно, как лёд, как голос человека, который уже принял решение и не собирается его менять. — Мы возьмём проект. Вы получите свои деньги.

Он кивнул одному из своих людей, и тот принёс небольшой чемодан, который поставил на стол перед Долгоруковым. Долгоруков открыл его и увидел пачки банкнот — немецких марок, которые были так нужны ему, которые могли вернуть ему его жизнь, его достоинство, его место в этом мире. Он чувствовал, как внутри него нарастает странное, почти забытое чувство — чувство победы, которое он считал потерянным навсегда.

Но когда он поднял голову, он увидел, что немецкий офицер смотрит на него с той же холодной усмешкой, которая не обещала ничего хорошего. В его глазах не было ни капли уважения, ни капли благодарности — только холодное, циничное превосходство, которое, казалось, говорило: «Ты для нас ничто. Ты — просто инструмент, который мы используем, пока он нам нужен».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.